

они считались с препятствиями? Не хватало боевых припасов, не было союзников, борьба происходила в условиях анархии. Не искали тогда выгодной дороги, не ждали материальной помощи, позволения — любовь к Родному Краю встала за это все преодолеть.

Посмотрим теперь на условия борьбы в противном лагере — у большевиков. Еще задолго до германской войны и вплоть до 1916 года их можно приравнять к положению нашему. Они тоже были расбросаны по всем краям Европы и не было у них слова — невозможно. Кто, хоть немца, знаком с эмигрантской жизнью большевиков, тот с уверенностью скажет, что наша теперешняя жизнь находится в несравненно лучших условиях. Несмотря на это, у них были возможны съезды в большом масштабе, не говоря о беспрепятственном переезде агентов за границу. А мы — обжились немного с мирной жизнью, свыклись с мыслью, что нас всюду преследуют, чего то боимся (не кусты ли?), прячемся от собственных созданных нами фантастических опасностей, и каждый смелый голос сейчас заглушается криком — „да бросьте это, ведь это может кому либо не понравиться и что тогда?“

Пришел на память мне „классический“ Илья Обломов, а вместе с ним и условия, в каких он жил. Как было получено письмо, сколько было толков и разговоров о том, стоит ли распечатывать конверт, а вдруг в письме окажется какая-нибудь неприятность, а тогда что? Письмо решили положить в угол нераспечатанным...

Становятся! Сопестно становится за себя. К великому стыду своему надо признаться, что нам еще надо поучиться жить „по эмигрантски“ у... большевиков. Мы обленились, затянула нас обывательщина, не хочется как-то серьезнее подумать, с трудом пробиваемся, как нищие, а если и появится творческая мысль, мысль достойная казака, остается она только мыслью. С каждодневной заботой о завтрашнем дне, о пропитании, мы даже и не замечаем, что вплотную к нам подошла грозная опасность — это не материальное прозябание, а обнищание духа. Теперь мы стоим на рубеже двух кардинальных вопросов: „быть или не быть?“ Беда будет с нами и с нашей будущностью, если эта моральная опасность, духовное прозябание, заразит нашу молодую генерацию.

Не зову к бою, ни к созданию конспиративных организаций — нам всюду, кроме большевиков, дается возможность легально высказывать свои мысли и, не нарушая прав гостеприимства, действовать над укреплением идеи независимости и освобождения Родного Края. Нужно ковать нашу мысль в органах печати для того, чтобы она нашла применение в свое время.

Каждый потерянный день может тяжело отразиться на нашей будущности. Кто пользуется возможностью слушать по радио работу большевиков, тот признает, какую колоссальную работу они вкладывают, чтобы разорвать раз на всегда с прошлым, с каким усилием они растлевают душу казака. Мы с ужасом убеждаемся, что каждый год все меньше имеем шансов на скорое возвращение домой. А что мы, в противовес разлагающей работе коммунистов, сделали? Приготовились ли мы и вообще способны ли мы восстановить свои традиции?

9-1-1930 г.

Владимир Еремеев.

Мысли по поводу проекта национального герба.

Я недавно получил открытку с изображениями гербов шести главных казачьих Войск и увидел среди них изображение герба с надписью: „калмыцкий“. Само собою разумеется, что нам, калмыкам, национальный герб, как отдельному народу и Войску, необходим и поэтому считаю, что проект герба выдвинут своевременно. Спор может и должен идти в смысле приемлемости того или иного вида герба.

На меня лично этот проект герба, выдвинутый калмыками-вольными казаками, производит приятное впечатление. Во-первых, то обстоятельство, что и основу национального нашего герба взято старое Чингис-Ханово знамя, должно импонировать душе каждого, знающего свою историю калмыка, напоминая ему, о временах, когда мы не только были свободны и сильны, но и свобода многих зависела от нас. А кроме этого, символически атрибуты самого герба удачны.

Центральной фигурой герба является белый кречет „боро мьрен хулда“ птица, которая по поверию калмыков приносит счастье и факт встречи с ней знаменует — исполнение задуманного; самый же флаг вероятно будет изображен золотом, т. е. желтый, национальный цвет калмыцкого народа; основа же герба конечно должна быть голубого цвета, цвета неба, символизируя собою вечность.

Вот мои краткие мысли по поводу герба. Полагаю, что калмыки должны предварительно подвергнуть его тщательному обсуждению. Само собою разумеется, что окончательно наш герб будет принят на калмыцком национальном „хурулдане“, если он, калмыцкий народ, будет иметь счастье увидеть его. Во всяком случае стремиться к этому должен всякий калмык, желающий исчезновения своего народа с лица земли. Я же желаю, чтобы этот проект вольных казаков-калмыков красовался в свое время над входом в наше первое национальное собрание. Да поможет им Бог в их справедливом стремлении.

Санжа Аршинов. (Ливон).

Казаки о „В. К.“

Уважаемый г-н Редактор!

Ознакомившись с № 46 и 47 дорогого нам журнала „В. К.“ мы, казаки-кубанцы, проживающие в г. Воло в Греции, публично заявляем, что „В. К.“ действительно наш казачий журнал, который должны читать все казаки. Путь, избранный „В. К.“ — самый верный путь, по которому пойдут все казаки... В этом мы уверены.

Желательно большее распространение „В. К.“ среди казаков, чтобы как можно скорей наступил час возрождения идей, преследуемых В. К.

С братским приветом:

Ф. Колбасин, Дя. Коваленко и др.

18-XI-1929.

Печать.

„Казачий Сполох“.

В недавно вышедшем 19-20 номере „Казачьего Сполоха“ (двадцать номеров за шесть лет!) находим любопытные вещи. С одной стороны, в передовой статье редакция „К. С.“ помещает заявление, что она „находится вне всякой связи и зависимости от руководителей журнала „Вольное Казачество“ и работу, произво-

димую этим журналом, совершенно не разделяет, а с другой — вслед за этим помещает произведения ближайших сотрудников журнала „В. К.“

С одной стороны, редакция „К. С.“ знает, что „движение, возглавляемое журналом „Вольное Казачество“, не жизненное, а потому оно не может нравиться казачеству“, а с другой стороны, та же редакция „К. С.“ признается, что к ней „продолжают поступать запросы, полные